

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60>

УДК 81'42

ЧУЖАЯ РЕЧЬ В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА КАК ВИД ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА

К.В. Шульгина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. К задачам современной судебной лингвистической экспертизы относится решение вопроса о наличии в тексте негативно-оценочного компонента, характеризующего личность. Кваликативная, «собственно человеческая» [Шмелев, 1981, с. 5], категория оценки, организующая процесс конфликтной коммуникации, проявляется в протоколе допроса на лексическом уровне при пересказе инвективного высказывания допрашиваемым.

В статье впервые рассматриваются вторичные инвективные высказывания как субстанциальные включения в структуру протокола допроса чужой конфликтной речи. Целью создания таких речевых произведений является оценка, детерминирующая негативное отношение субъекта к объекту. Вторичные инвективные высказывания исследуются с точки зрения формально-содержательной организации, а также способов их репрезентации в тексте протокола допроса.

Цель статьи – изучение особенностей репродукции чужой конфликтной речи в протоколе допроса как вторичном речевом жанре.

Материалом исследования послужили протоколы допросов, составленные должностными лицами при проведении предварительного следствия по уголовным делам об оскорблении представителя власти или о неуважении к суду. В качестве *методов* исследования использованы общенаучные методы исследования (наблюдения, сравнения, описания), а также методы семантического, функционального, компонентного и пропозиционального анализа.

Ключевые слова: *протокол допроса, чужая речь, вторичный текст, инвективная лексика, вербальная репродукция, текстовый дериват, речевое событие оскорбления.*

П*остановка проблемы.* Выбор темы исследования обусловлен задачами, стоящими перед исследователем при анализе косвенных источников информации о речевом событии. Одним из таких материальных носителей информации является юридически значимый документ – протокол допроса. Протокол допроса относится к вторичному речевому жанру делового «пространства общения» [Осетрова, 2014, с. 549], так как в нем отражаются ход и результаты речевого события допроса. Н.М. Татарникова в работе «Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи» описывает специфические и общие черты на всех уровнях организации двух названных жанров. Так, исследователь пишет, что «Речевой жанр допроса в рамках речевого события допроса является инициальным жанром. Он детерминирует появление речевого жанра протокола допроса, выступает как его текстовая и содержательная основа, а следовательно, как первичный по отношению к речевому жанру протокола допроса» [Татарникова, 2004, с. 10].

Протокол допроса, несмотря на его прямую, эксплицированную связь с первичным речевым жанром, внутрижанровую квазимонологичность, это все же самостоятельное речевое образование, созданное прежде всего исполнителем юридического документа, а значит, имеющее непосредственного автора. На автора-исполнителя протокола допроса возложена большая ответственность, он – носитель системы правовых взглядов, который, реализуя правовые предписания, должен успешно реализовать оба жанра, то есть грамотно, с позиции правовых норм провести допрос, а также успешно составить протокол допроса, зафиксировав передаваемые участником допроса показания «по возможности дословно» (п. 2 ст. 190 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Часто при расследовании деликтов, проявляющихся в реальной действительности унижением чести и достоинства какого-либо лица, выраженным в неприличной форме, в центральной, описательной, части протокола допроса присутствуют конфликтные высказывания, относящиеся к предмету спора сторон. Данные высказывания имеют особый юридический и лингвистический статус. С одной стороны, это предмет доказывания, фактическое речевое обстоятельство, поддающееся оценке как вещественное доказательство. И с другой – это объект судебной лингвистической экспертизы, представленный в показаниях в виде конфликтной чужой речи наряду с описанием условий, в которых она была реализована.

Объектом исследования стали конфликтные инвективные высказывания, зафиксированные в протоколах допроса в виде чужой речи. *Предметом* анализа послужили формально-содержательная организация этих высказываний как текстовых дериватов, или вторичных текстов, а также способы их репрезентации в тексте протокола.

Смысловую основу чужой речи составляет универсальная бинарная оппозиция «свое / чужое». Н.В. Максимова в качестве ключевого структурного подхода, определяющего совокупность способов передачи чужой речи, видит разную степень «маркированности границ» и разную степень «взаимопроницаемости своего и чужого» [Максимова, 2006, с. 11]. Так, допрашиваемое лицо, руководствуясь своими установками, обращаясь к прошлому, создает репродукцию услышанного, включая в собственную речь чужое монологическое высказывание. Однако, как отмечает И.С. Попова, «даже сохраняя оригинальную речь и повторяя в точности ее содержание и стиль, адресант не может полностью воспроизвести весь контекст речевого акта» [Попова, 2009, с. 66]. Прототекст, или первичный текст, несущий в себе лингвистические признаки оскорбления, принадлежит области объективной действительности, в то время как чужая речь, будь то точное воспроизведение оригинала или же пересказ сказанного с выделением смысловых доминант, имеет субъективное начало, коррелирующее с когнитивными процессами восприятия, понимания, интерпретации услышанного, имеющимися у реципиента лингвистическими компетенциями.

Н.Д. Голев совместно с Н.В. Сайковой в их концепции вторичных текстов уделяют ведущую роль деривационному моменту, под которым авторы понимают

«образование одного текста на базе другого, преобразование (по определенным механизмам) исходного текста, сохраняющего свою мотивирующую роль в деривационной структуре вторичного текста» [Голев, Сайкова, 2001, с. 20]. Разные основания позволяют выделить три классификационных группы вторичных текстов – преобразования на уровне формы (звуко-графические, межсемиотические, межъязыковые метаморфозы), на уровне содержания (по наличию / отсутствию новых содержательных элементов), а также по линии функции (родо-жанровые изменения) [Голев, Сайкова, 2001, с. 22].

Основываясь на дефиниции понятия «вторичный текст», предложенной Н.Д. Голевым и Н.В. Сайковой, в настоящем исследовании под вторичным инвективным высказыванием в ситуации допроса мы понимаем речевое произведение, имеющее текст-основу, содержащее маркированную оценочную лексику и продуцируемое в преобразованном виде автором-ретранслятором.

Интересным представляется тот факт, что специфику вторичного инвективного текста, содержащегося в протоколе допроса, в его соотношении со свойствами первичного текста или текста-основы практически невозможно установить ввиду отсутствия в распоряжении следствия последнего. Конфликтные ситуации редко удается запечатлеть в их аудиовизуальном единстве на какие-либо носители информации ввиду стремительности возникновения и протекания речевой ситуации оскорбления. Таким образом, не представляется возможным наблюдение над деривационными процессами, как и невозможно построить модели вторичного текстообразования, выявить типы искажений и трансформации информации, оценить ее смысловую релевантность, определяемую модусом сознания автора, его интенциями. Кроме того, воспроизводимое в протоколе допроса конфликтное высказывание относится к спонтанной звучащей речи – реконструкция таковой не передает просодических, темпоральных, качественных особенностей речи инвектора – влечет за собой редукцию как материальных, так и функционально-содержательных элементов речи.

С.В. Ионова в качестве функциональных типов вторичных текстов выделяет следующие группы: тексты репродуктивного (изложения, конспекты, рефераты аннотации), интерпретирующего (сценарий, видеоадаптация литературных произведений), адаптирующего типа (научно-популярная статья, комментарий, текстовые версии для детей) и тексты-имитации (тексты-подражания, тексты-пародии) [Ионова, 2006, с. 20]. Рассматриваемые нами вторичные тексты относятся к текстам репродуктивного типа, целью создания которых является «воспроизведение семантической структуры текста-основы с разной степенью развернутости содержания» [Там же]. Структурная и семантическая модель инвективного высказывания, помещенного в протокол допроса, должна априори восприниматься как модель речевого объекта, свойства которого искажены и подвергнуты редукции, но который при этом сохраняет признаки языковой единицы, пригодной для проведения лингвистического исследования.

Результаты исследования. В результате анализа особенностей отраженных в протоколах допроса вторичных инвективных текстов выявлены три основных

способа экспозиции чужой речи, заключающихся в использовании преимущественно лексико-графических маркеров.

Первый способ маркирования вторичного высказывания – это *прямая речь*, сопровождаемая словами автора, то есть пропозициональными предикатами говорения, восприятия, а также предикатами, обозначающими сопутствующие физические и психические реакции автора, которые указывают на сам факт ввода в собственную речь чужих слов. К примерам такого ввода чужого слова из протоколов допроса относятся следующие (приводимые примеры содержат ненормативную лексику, которая в дальнейшем будет обозначена с помощью «графического эвфемизма, основанного на синкопе – замене середины ненормативного слова знаком многоточия» [Шульгина, 2020, с. 11]; также используемые в протоколах допроса антропонимы изменены на вымышленные):

1) «Когда мы подошли к домовладению, вышел Сухин А.Б., я сообщил ему, что будет зафиксирован отказ от подписи протокола, в связи с чем, привлечены свидетели, он по-прежнему вел себя вызывающе, говорил „че ты как дятел одно да потому долбишь”»;

2) «<...> мы его подписали, после чего, когда уже собрались уходить, Сухин А.Б. обращаясь к Иванченко, на его слова „до свидания” сказал дословно „да пошел ты г...ндон штопанный” <...>»;

3) «В результате указанных событий Ершова Л.К. разозлилась и, наклоняясь ко мне ближе через стол, громко сказала: „ты моральный урод”, после чего она вышла из кабинета»;

4) «Я подошел к данному окну и увидел, а также услышал, как Голубев публично, при гражданских людях оскорбляет участкового полиции Антонова М.Б., а именно он кричал: „Да пошел ты подальше, на три советских буквы”, а также стал громко публично на весь холл кричать: „Пошел на х...й п...дор е...ый”».

Гарантирует ли такая форма фиксации вторичного текста сохранение достоверности первичного текста и отсутствие компрессии, свернутости формы и содержания – неизвестно. Недоступность текста-основы не позволяет разрешить этот лингвистический вопрос. Однако денотативная структура высказываний, зафиксированных таким способом, делает возможным анализ предметного содержания. Очевидно, что для конфликтных высказываний, о которых идет речь, актуальной с точки зрения семантической релевантности [Van Dijk, 1979, p. 115] является оценочная информация – аксиологическое содержание в рассматриваемых нами высказываниях сохраняется.

Второй способ введения вторичных конфликтных текстов – это *косвенная речь*, представленная очень кратким пересказом первичного конфликтного высказывания, – в качестве средств репрезентации смыслового содержания первичного текста приоритетен выбор автором языковых единиц, несущих оценочную характеристику инвектума. «Свое» и «чужое» здесь слито воедино и образует, как правило, изъяснительную конструкцию:

1) «Я вышел и сказал в адрес Иванова, что он „Г...дон штопанный”»;

2) «<...> он продолжил на камеру оскорблять меня, а именно сказал, что я „п...дорас” и „ложусь под мужиков” <...>»;

3) «<...> Ушаков начал оскорблять Лыхина, говорил разные слова, в том числе нецензурные, точно назвать затрудняюсь, они были адресованы к событию, высказывал недовольство ситуацией, но помню, сказал, что „пошел г...ндон штопаный” <...>».

Как и в предыдущих примерах, определить степень неточности, развернутости вторичных текстов, оформленных в косвенную речь, невозможно. Однако отсутствие сведений о степени аппроксимации нивелируется сохранением извлеченных из текста-основы слов с оценочной семантикой.

Третий способ включения вторичных высказываний в структуру протокола допроса – это способ, характеризующийся максимальным уровнем компрессии. Вторичный текст представлен в виде *отдельных номинативных единиц*, заключенных в кавычки. Оценочные предикаты, репрезентированные инвективной лексикой, относятся к рематическим элементам содержания – и в данном случае они приводятся автором вторичного текста в качестве ключевых, текстообразующих элементов, которые, согласно экспериментальным исследованиям Л.Н. Мурзина и А.С. Штерна, несут крайне важную смысловую нагрузку [Мурзин, Штерн, 1991, с. 33]. Приведем примеры, соответствующие выделенному нами способу:

1) «В ответ на указанную просьбу парень, продолжая высказываться грубой нецензурной бранью, стал обращаться конкретно к Королеву Б.Р., указывая на него пальцем, оскорблять различными словами, такими как „п...дор конченный”, „мусор”, „козел е...ый”, „сволочь”, „сука”, на что Королев Б.Р. отреагировал спокойно и вновь попросил его успокоиться»;

2) «Романова стала проходить через турникет и стала высказывать в мой адрес слова, унижающие мою честь и достоинство, а именно называла меня „козлом” и „бл...ю е...ой”»;

3) «Алина <...> выражалась в адрес Марьина, оскорбляя его словами „сука”, „лысая скотина”, „лысая тварь”, „г...ндон”, „п...дорас”, „козел”»;

4) «Тишин Т.Р. также сравнивал меня с различными животными (коровой, лошадей), в неприличной форме отзывался о моих умственных способностях, называл женщиной с низкой социальной ответственностью и так же произносил в мой адрес другие нецензурные бранные слова»;

5) «В момент когда судья вышел из зала, Шилов Л.Н. начал выражаться в мой адрес грубой нецензурной бранью, оскорблял меня как сотрудника прокуратуры, при этом назвав меня „толстым гомосексуалистом”».

Данный способ представления информации, несмотря на ее максимальную компрессию, и есть представление «смыслового кода» высказывания. Наличие ключевых слов позволяет определять смысловые доминанты высказываний, которые, в свою очередь, помогают оценить интенцию автора первичного текста.

Выделенным трем типам передачи чужой речи в протоколе допроса с точки зрения их содержания в целом присуща общая семантическая компонента – реципиенты передают смысл услышанного с помощью имен, негативно характери-

зующих денотат – личность. Определяющие личность языковые средства представлены посредством отдельных номинаций, дескрипций, субстантивных словосочетаний, где носителями общенности являются имя существительное наряду с прилагательным (N общц. Adj общц.).

Выводы. Подводя итог рассмотрению чужой инвективной речи в протоколе допроса как вторичного текста, необходимо отметить существование, наряду с разными способами введения чужой речи, устойчивой формально-содержательной организации таких текстов, заключающейся в отражении негативно-оценочных квалификативов в качестве ключевых слов или семантического кода первичного конфликтного высказывания.

Чужие высказывания занимают свое место в коммуникативном пространстве протокола допроса: у них есть автор, преобразованное смысловое содержание и структура. Вторичные текстовые репрезентации являются лишь лингвокогнитивными симулякрами, приближенными допрашиваемым к тексту-оригиналу. Воспроизведение реципиентом ключевых слов, составляющих первичный инвективный текст, дает возможность оценить интенции автора текста-оригинала.

Библиографический список

1. Голев Н.Д., Сайкова Н.В. Изложение, пародия, перевод... К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. 2001. С. 20–27.
2. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 37 с.
3. Максимова Н.В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006. 41 с.
4. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991. 172 с.
5. Осетрова Е.В. Речевые сферы / под ред. А.П. Сковородникова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Красноярск, 2014. С. 549–550.
6. Попова И.С. Прямая речь и цитирование как способы передачи чужого слова в устнопожарожденной речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 65–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12893572> (дата обращения: 25.10.2020).
7. Татарникова Н.М. Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи: На примере жанров допроса и протокола допроса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 23 с.
8. Шмелев А.Д. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 43–51.
9. Шульгина К.В. Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса // Юрислингвистика. 2020. № 17 (28). С. 8–11. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702)
10. Dijk T.A. van. Relevance Assignment in Discourse Comprehension // Discourse processes. 1979. № 2. P. 113–126. URL: [http://www.discourses.org/OldArticles/Relevance %20assignment %20in %20discourse %20comprehension.pdf](http://www.discourses.org/OldArticles/Relevance%20assignment%20in%20discourse%20comprehension.pdf) (дата обращения: 29.10.2020).

Сведения об авторе

Шульгина Кристина Витальевна – аспирант кафедры русского языка и методики филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: watermark2@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60>

SOMEONE ELSE'S SPEECH IN THE INTERROGATION PROTOCOL AS A TYPE OF A SECONDARY TEXT

K.V. Shulgina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The tasks of modern forensic linguistic expertise include solving the question of whether the text contains a negative evaluation component that characterizes a person. The qualificative, “properly human” [Shmelev, 1981, p. 5] category of assessment, which organizes the process of conflict communication, is manifested in the interrogation protocol at the lexical level within the framework of an invective utterance.

For the first time, the article considers secondary invective statements as substantial inclusions in the structure of the interrogation protocol of someone else's conflict speech. The purpose of creating such speech utterances is assessment which determines the negative attitude of the subject to the object. Secondary invective statements are examined from the point of view of their formal content structure, as well as ways of their representation in the text of the interrogation protocol.

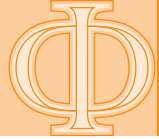
The purpose of the article is to study the features of reproduction of someone else's conflict speech in the interrogation protocol as a secondary speech genre.

The material of the study was the interrogation protocols compiled by officials during the preliminary investigation of criminal cases about insulting a representative of the authorities or contempt of court. The research methods used are general scientific research methods (observations, comparisons, descriptions), as well as methods of semantic, functional, component and propositional analysis.

Keywords: *interrogation protocol, someone else's speech, secondary text, verbal reproduction, text derivative, speech event of an insult.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Golev N.D., Saykova N.V. Izlozhenie, parodiya, perevod... K osnovaniyam derivatsionnoy interpretatsii vtorichnykh tekstov [Presentation, parody, translation... To the basics of derivational interpretation of secondary texts] // Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty. 2001. P. 20–27.
2. Ionova S.V. Approksimatsiya soderzhaniya vtorichnykh tekstov [Approximation of the content of secondary texts]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2006. 37 p.
3. Maksimova N.V. „Chuzhaya rech'” kak kommunikativnaya strategiya [“Another's speech” as a communication strategy]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2006. 41 p.
4. Murzin L.N., Shtern A.S. Tekst i ego vospriyatie [Text and its perception]. Sverdlovsk, 1991. 172 p.
5. Osetrova E.V. Rechevye sfery / pod red. A.P. Skovorodnikova // Effektivnoe rechevye obshchenie (bazovye kompetentsii) [Effective verbal communication (basic competencies)]. Krasnoyarsk, 2014. P. 549–550.
6. Popova I.S. Pryamaya rech' i tsitirovanie kak sposoby peredachi chuzhogo slova v ustnoporozhdaemoy rechi [Direct speech and citation as ways of transmitting someone else's word in spoken speech] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 3. P. 65–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12893572> (data obrashcheniya: 25.10.2020).
7. Tatarnikova N.M. Koordinatsiya pervichnogo i vtorichnogo rechevykh zhanrov v ofitsial'no-delovom stile rechi: Na primere zhanrov doprosa i protokola doprosa [Coordination of primary and secondary speech genres in the official-business style of speech: On the example of interrogation genres and interrogation protocol]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2004. 23 p.

8. Shmelev A.D. O granitsakh i sodержanii pragmatiki [On the boundaries and content of pragmatics] // Izv. AN SSSR. Ser. lit-ry i yaz. 1981. T. 40, № 4. P. 43–51.
9. Shul'gina K.V. Sposoby i problemy fiksatsii nenormativnoy leksiki v protokole doprosa [Issues and ways of recording obscenities in transcript of interrogation] // Yurislingvistika. 2020. № 17 (28). P. 8–11. DOI: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702)
10. Dijk T.A. van. Relevance Assignment in Discourse Comprehension // Discourse processes. 1979. № 2. P. 113–126. URL: [http://www.discourses.org/OldArticles/Relevance %20assignment %20in %20discourse %20comprehension.pdf](http://www.discourses.org/OldArticles/Relevance%20assignment%20in%20discourse%20comprehension.pdf) (data obrashcheniya: 29.10.2020).

About the author

Shulgina Kristina Vitalievna – PhD Student, Department of Russian Language and Methods, Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev; e-mail: watermark2@yandex.ru